

Гронский Александр Дмитриевич

кафедра гуманитарных дисциплин БГУИР

**Русские революционеры начала XX в.:
попытка психологического портрета**

Ключевые слова: Революционеры, психология, начало XX в., революционный террор, экспроприация

Начиная с конца XIX в. в революционное движение стали втягиваться и народные низы, в первую очередь, пролетариат. Ранее большинство революционеров являлось представителями «образованных классов»: интеллигенции или дворянства. Рабочие и крестьяне встречались в революционном движении не так часто. Причина этого, возможно, крылась в том, что европейские идеи переустройства мира, захлестнувшие российское общество в XIX в., циркулировали только в среде интеллигенции и фрондирующего дворянства. Их смысл не был понятен большинству населения России. Однако к концу XIX в. интеллигенция смогла разнести эти идеи в рабочей среде. Возможно, для большей доступности они утрировались самими агитаторами, а возможно, что агитируемые массы понимали их по-своему, стараясь приспособить к решению насущных вопросов.

Вполне закономерно, что идеи о переустройстве существующего российского общества зародились в среде интеллигенции, у которой была возможность ознакомиться с европейскими веяниями середины XIX в. Причём нужно заметить, что в этот период русская интеллигенция ещё полностью не сформировалась как социальная группа. Это произошло только к началу XX в. Также вызывает интерес тот факт, что интеллигенция появилась как социальный слой, сопровождающий модернизацию страны, её переход на новый уровень. Образ интеллигента, судя по всему, не укладывался в традиционную российскую ментальность, да и сама интеллигенция не видела своей ниши в сословном русском обществе. Возможно, поэтому достаточно широкая оппозиционность и революционность русской интеллигенции была не столько желанием сделать всех счастливыми путём построения демократического государства, сколько попыткой создания общества, в котором для людей интеллигентных профессий была бы своя отдельная социальная ниша. Этот тезис отчасти подтверждают слова Г.В. Плеханова, который говорил, что переход от пропаганды к террору в конце 1870-х гг. произошёл не потому, что революционеры поняли невозможность поднять на восстание деревню, а от настроений революционеров [8, 12]. Естественно, что интеллигентская идеология не могла без проблем вписаться в рамки самодержавного уклада России. Наиболее радикальные слои интеллигенции не стали подстраиваться под существующие реалии, а попытались изменить их в соответствии со своими взглядами, что, совершенно естественно, вызвало противодействие со стороны охранительных структур Империи. Однако в начале XX в. либеральные

идеи настолько захлестнули общество, что все охранительные учреждения воспринимались не иначе, как «тормоз на пути прогресса».

Люди, выбравшие своей целью радикальную борьбу с режимом, подвергались преследованию со стороны властей. Тем не менее, в Российской Империи сложилась ситуация, когда активная часть общества в своём подавляющем большинстве сочувствовала революционерам. Именно поэтому провальным оказался судебный процесс над В.И. Засулич, адвокат которой впервые объявил, что её покушение явилось защитой человеческого достоинства, что оказалось неожиданным даже для самой В.И. Засулич. После этого процесса «защитой человеческого достоинства» революционеры начали оправдывать свой террор [3, 19]. Эсеры, например, придумали очень хорошую систему: идеология для внутреннего партийного потребления – жёсткий радикализм, а для наружной рекламы партии – стремление к диалогу. На судебных процессах все видели только внешнюю сторону, что делало эсеров «безвинными жертвами жестокого самодержавия» [3, 19]. Сложилась достаточно выгодная для революционной работы ситуация, когда общественное мнение в любой попытке государства защитить себя от политических преступников видело насилие над «благородными революционерами».

Общество, благодаря этому устойчивому мнению, не обращало внимания на то, что во время актов революционного насилия гибнут мирные люди, что в начале XX в. экспроприации стали обыденным явлением, что им подвергались не только государственные или частные заведения, но и обычные рядовые граждане. Революционеры не брезговали даже небольшими суммами, «экспропрированными» у случайных прохожих [4, 25]. От уголовных преступлений эта деятельность революционеров ничем не отличалась, да и деньги шли почти на те же нужды, что и у уголовных преступников: подделка документов, закупка оружия, просто обеспечение себя предметами первой необходимости. Конечно, революционеры, в отличие от уголовных преступников, ещё печатали на эти деньги революционные прокламации и оплачивали другие специфические потребности, но это вряд ли является оправданием тотальным массовым политически обоснованным грабежам и убийствам.

После первой русской революции силы радикальных партий были подорваны, поэтому в них в большом количестве стали попадать случайные люди, для которых террор был не идейным актом, а возможностью самоутвердиться или вообще поправить своё материальное положение. Для многих боевиков, в сущности, не имело значения, от какой партии они совершают теракты или экспроприации. Такие люди часто переходили из партии в партию, если считали, что там больше простора для «боевой» работы [8, 19]. Б.В. Савинков предлагал одному из лидеров организации максималистов объединить свои усилия, поскольку они оба – террористы, а расхождение программных установок – дело второстепенное [8, 20]. Достойной жертвой для революционера-террориста считался любой человек в форме, будь то служащий или дворник [1, 16]. Постоянное обращение с оружием и частое его использование коверкали психику членов революционных партий. Так, один из них говорил: «У меня был наган, и я чувствовал, что сейчас же, с

оружием в руках можно начать борьбу за социализм» [8, 19]. Некоторые революционеры не скрывали того, что они участвуют не в революционных, а в уголовных акциях [5, 227]. В отдельных партиях уголовные мотивы экспроприаций присутствовали и до начала первой русской революции. Например, бывший лидер Боевой организации эсеров Г.А. Гершуни в феврале 1906 г. указывал, что девять десятых экспроприаций были случаями обычного бандитизма [5, 227]. Террористы даже не пытались скрывать свои личности и род занятий, а убийства и вымогательства стали обычным делом [4, 26]. Неподчинение нормам закона культивировалось в революционной среде самими лидерами партий. Так, уже после Октябрьской революции В.И. Ленин утверждал следующее: «... плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона... если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [9, 36]

Власти боролись с терроризмом, но их репрессии намного уступали по масштабам размаху радикальной деятельности революционеров. Так, в 1906 г. по приговорам военно-полевых судов было казнено 144 человека, в это же время от рук террористов погибло 1383 человека (из них 738 чиновников и 645 частных лиц); в 1907 г. власти казнили 1139 человек, а революционеры – 2935 (1231 чиновник и 1734 частных лица) [4, 26]. Таким образом, революционный террор был намного жестче, чем противодействие ему. Если же учитывать, что в 1906 г. среди жертв террористов 46,6 % были случайными людьми, а в 1907 г. таких случайных жертв было уже 59 %, то стоит поставить под сомнение альтруизм революционной деятельности. Правительство постоянно усиливало антитеррористическую деятельность, что, по мнению некоторых исследователей, явилось одной из главных причин упадка российского революционного терроризма [3, 20]. Однако революционный терроризм не прекратил своего существования, он стал менее масштабным и уже далеко не всегда обосновывался политическими мотивами.

Российские революционеры для достижения своих целей не брезговали практически ничем. Например, использовали помощь государств, являющихся противниками России. Так, в период русско-японской войны представители революционных партий Российской Империи дважды собирались на конференции (Парижскую в 1904 г. и Женевскую в 1905 г.), которые проводились на деньги японского правительства. Интересно то, что не все партии согласились принять участие в конференциях после того, как стало известно, на чьи деньги они проводятся, но таких было меньшинство. Кстати, Белорусская социалистическая громада также приняла участие в Женевской конференции. Решения конференций были направлены на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в России любыми способами от агитации до терактов [11, 33]. Подобное «сотрудничество» между российскими революционерами и странами-противниками России особенно оживилось накануне и в годы Первой мировой войны. Польские социалисты, эсеры и другие партии получали оружие из Австро-Венгрии. Турецкие власти оплачивали деятельность кавказских националистов, а также переправляли через них в Россию взрывчатку [5, 225]. Финские националисты готовились совершить ряд диверсий на

российских железнодорожных магистралях и ледоколах. Большевики для усиления своего влияния на массы использовали помощь немецкой контрразведки [подробнее – 4].

Такая беспринципность в выборе средств, союзников и видов борьбы резко отличает российских революционеров начала XX в. от их соратников конца XIX в. Судя по всему, подобное стало возможным по причине превращения революционной деятельности в своего рода профессию, дававшую хорошие средства к существованию. Конечно, нельзя утверждать, что каждый представитель революционной среды участвовал в борьбе с правительством ради собственных выгод. Среди революционеров были и те, которые свято верили в идеалы социализма и пытались приблизить его пусть даже ценой собственной жизни, но количество таких идейных революционеров в начале XX в. стало очень резко сокращаться.

Несмотря на свои идеологические установки или их отсутствие революционеры постоянно жили под угрозой ареста. Это накладывало определённый отпечаток на их психику. В условиях экстремальной ситуации им нужно было каким-то образом успокоиться, преодолеть страх. Для этого вполне могли использоваться алкоголь и наркотические вещества. Например, в период первой русской революции наблюдались достаточно активные грабежи винных лавок. Конечно, нельзя все факты ограбления относить на счёт революционных организаций, этим могли вполне прикрываться обычные преступники. Однако сторожа винных лавок отмечали, что грабители были не стандартного для преступников вида, а по манере поведения и разговора больше походили на интеллигентов, чем на уголовников [2, 51-52]. Примечательно, что эти интеллигенты-грабители приходили в лавки не за деньгами, а за спиртным, причём, предпочитая забирать его в таре большего объёма [2, 51-52]. Кроме того, в период первой русской революции ввоз наркотиков в страну увеличился в 20 раз [12, 129].

От постоянного чувства опасности психика революционеров расшатывалась. По утверждению В.М. Фигнер, чем слабее была нервная система революционера, тем больше его восхищал террор [5, 232]. Некоторые лидеры экстремистских организаций старались привлекать к терактам именно психически неполноценных людей, видимо, понимая связь психических расстройств с насилием [5, 233]. Кроме того, революционеры сходили с ума и в процессе своей антиправительственной деятельности. У них появлялись различные мании [подробнее – 6; 7]. Также в кризисное время повышается число самоубийств, которые становятся чем-то вроде непереносимого атрибута подобных периодов. Однако не у каждого человека хватает психических сил, чтобы покончить с собой, поэтому он выбирает самоубийство, оправданное какой-либо высокой идеей. Именно поэтому некоторые террористы видели окончание своего теракта как свою смерть во благо светлого будущего и воспринимали смертный приговор как праздник [5, 235]. Кроме того, следует учитывать, что в начале XX в. в революционной среде появилось достаточно много женщин и подростков (некоторым из них было всего по 14 лет), пси-

хика которых была менее устойчива к условиям существования революционеров и, естественно, подвергалась скорейшей деформации.

Женский терроризм очень ценился революционерами, поскольку полиция не обыскивала женщин, в результате чего им удавалось делать то, чего не смогли бы сделать террористы-мужчины. Например, Е. Рогозинникова смогла застрелить начальника тюремного управления прямо в его кабинете; когда террористку арестовали, на ней оказалось ещё 13 фунтов динамита. Такого количества взрывчатки хватило бы для полного уничтожения здания тюремного управления [6].

Максимализм революционеров-подростков порой доходил до совершенной жестокости. Их жертвами становились не только государственные служащие, но и сверстники, которые просто придерживались консервативных взглядов. Например, за отказ гимназиста покинуть учебное заведение, двое подростков, состоящих в революционной организации, плеснули ему в лицо серной кислотой [5, 245]. Один из подростков, не принимавших активного участия в политической жизни, после грубого обращения матери с его подружкой сбежал из дому, написал письмо матери, в которой объявил, что за «идиотские расспросы» девушки он предложил террористам убить свою мать, причём обещал это сделать сам. Подростка случайно арестовали, и он, желая показать матери её вину в своей смерти, взял на себя убийство крупного чиновника. Подросток рассчитывал на смертную казнь, но власти, не полностью доверяли его признанию и осудили «террориста» на 12-летнее тюремное заключение. Однако через 3 года он вышел на свободу благодаря своей матери, которая смогла доказать его невиновность [5, 242].

Таким образом, на протяжении начала XX в. наблюдалась неуклонная деградация основной массы российских революционеров. Революционная деятельность всё больше переплеталась с уголовными преступлениями, сотрудничеством с противником, увеличением количества случайных жертв. Не последнюю роль в этом сыграла психическая неустойчивость представителей революционной среды.

1. Антоненко С., Филиппова Т. В пасть к Люциферу // Родина. 1998. № 2. – С. 16.
2. Архивный фонд Национального музея истории и культуры Беларуси. Ф. «научно-вспомогательный». № 3645.
3. Баранов А. Вирус с «человеческим лицом» // Родина. 1998. № 2. – С. 17 – 20.
4. Гейфман А. «Убий!» // Родина. 1994. № 1. – С. 25 – 26.
5. Гейфман А. Революционный террор в России (1894 – 1917). – М., 1997.
6. Гронский А.Д. Женский терроризм в России начала XX века // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность). Матер. междунар. конф. – Витебск, 2001. – С. 246–248.

7. Гронский А.Д. Террористы и политическая полиция: психологические портреты // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Матер. к междунар. конф. В 2-х т. Т. 1. – Мн., 2000. – С. 163 – 166.
8. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону, 1996.
9. Никитский Л. Миф о виновности юристов // Родина. 1998. № 3. – С. 36 – 39.
10. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. – М., 1995.
11. Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция / Тайны русско-японской войны. – М., 1993.
12. Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917 – 1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. – С. 129 – 134.

Библиотека БГУИР